

ГОГОЛЕВСКИЙ «ВЗГЛЯД НА СОСТАВЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ»

В статье идет речь о том, как Гоголь реализовал идею «поэтической истории»: в своем эссе 1834 года он фактически создал новый миф о козаках как воинственных спасителях христианства в Европе, возводя их происхождение к Древней Руси, Великой Степи, средневековым рыцарям, монахам и подчеркивая их принципиальное отличие от других народов.

V. Denisov

GOGOL'S ESSAY «A VIEW ON COMPILING LITTLE RUSSIA»

The way in which Gogol accomplished his idea of «a poetic history» in the essay of 1834 is described: Gogol actually created a new myth about Cossacks as militant rescuers of Christianity in Europe carrying up their origin to Ancient Russia, Great Steppe, medieval knights, friars and underlining their principled difference from other peoples.

В начале 1834 года в газетах «Северная Пчела» и «Молва», а также в журнале «Московский Телеграф» Николай Гоголь напечатал «Объявление об издании Истории малороссийских козаков»¹, где заявил, что «еще не было полной, удовлетворительной истории Малороссии и народа, действовавшего в продолжение почти четырех веков независимо от России»², не было показано, «как образовался... этот воинственный народ, козаки, означенный совершенною оригинально-стью характера и подвигов», и его «место в истории мира»; и потому автор, бравший на себя этот почетный труд, просил присылать ему старинные малороссийские «записки, летописи, повести бандуристов, песни, деловые акты» (IX:76–77). Опубликованный весной

«Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга 1, глава I» (вместе со статьей «О малороссийских песнях»)³, очевидно, должен был дать начало такому историческому сочинению. Там нет сухой фактической точности, перечня дат и событий — даже «приложения и ссылки» отложены «за недостатком места», — ибо, по «идее» поэтической истории народа, концепция автора воплощена в живом, образном повествовании, в своего рода исторической «поэме» о козаках как основе нации, ее стержне, «соли земли».

Видимо, потому здесь Козачество не разделено на Запорожское и «остальное», и вообще обойден острый в то время вопрос о происхождении козаков и самого слова «козак». Вопрос этот имел свою историю, которую каждый автор

считал необходимым излагать заново, т. е. по-своему. Начнем с «Краткой летописи Малой России с 1506 по 1776 год», записи которой «ведены были Генеральными Малороссийскими писарями, бывшими при Гетманах», а получены записи «от преосвященного Георгия (Конисского. — В. Д.), епископа Могилевского»⁴. Там говорилось, что «поляки, владеющие Киевом и Малою Россиею», хотели «в работе и подданстве людей малороссийских украинских содержать, которые, не приобывши жить в невольничьей службе, избрали себе место пустое около Днепра, ниже порогов Днепровых, на жиле, где в диких полях, упражняясь в звериных и рыбных ловлях, при том Бурсурман, на море разбивающа, укрощали, называясь Козаками от древних Козаров, рода славено-российского, при Кагане еше служивших в походах на Грецию»⁵.

В небольшой книжке Я. М. Марковича «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» (СПб., 1798), посвященной Д. П. Трощинскому и, безусловно, известной Гоголю, утверждалось, что «происхождение Козаков есть нерешимая в истории задача. Некоторые производят их от Козар и Косоогов, обитавших в древние времена при Днепре, или от какого-то вождя, Козаком именуемого (по *Стриковскому*, польскому историку); а по другому название сие произошло от того, что несколько поляков и малороссиян поселились на Днепровской косе, где они занимались ловлею диких коз (так думает другой польский историк *Веспасиян Каховский*). Может быть, всех вероятнее следующее мнение, что в начале XVI века некто из малороссиян по прозвищу *Дашкевич*, видя частые от Крымских татар набеги, уговорил многих единоплеменников своих для отогнания неприятеля сего от своих пределов. Сие имело щастливый успех; и победители назвались тогда Козаками, что значит на татарском языке *легковооруженные* (*Г. Болтин* про-

изводит козаков от половцев, что также может быть справедливо)»⁶.

В хорошо известном Гоголю сочинении «Малороссийская деревня» (М., 1827) не менее известный ему преподаватель латинского языка в Нежинской гимназии Иван Кулжинский вспоминал «то незабвенное в летописях время, когда козаки, основав из себя народ независимый и гордый, долго оставались предметом соблазна для честолюбия и спокойствия своих соседей. О происхождении сих могучих сынов брани и раздора можно то же сказать, что говорится о происхождении римлян. Шайка молодых людей, недовольных собою и, может быть, собственным сердцем, удалилась от взоров людей в обширные степи и, основавши там свое общество, страшными воинскими криками дала знать людям о своем существовании»⁷.

Официозная «История Малой России» (Гоголь ее прилежно штудировал и, конечно, не со всем был согласен) сообщала: «...иностранные писатели весьма забавным образом изъясняют происхождение названия Козаков: Гербиний производит слово Козак от польского *Kossa* (коса или серп), потому что, по его мнению, Козаки или, по крайней мере, некоторая из них часть вооружены были косами. Пясецкий, Гарткнох и Ле Шевалье от *козы*, с которою сравнивают они проворство, ловкость и оборотливость Козаков в непроходимых местах! Зиморович от слова *Козака*, означающего, будто, на нашем языке муху!! желая чрез то показать сходное Козаков с мухами непостоянство и наглость; Де Гюинь от *Kiptschak*, и так далее! — В ежемесячном сочинении 1760 года, ч. I, стр. 309, упоминается, будто слово Козак означает на татарском языке *воина, легко вооруженный или наездник*. Не зная языка татарского, не можем судить о справедливости сего показания. Впоследствии Козаками назывались все военнотружущие в

Малой России. Так было и у татар <...> Вообще татары именовали Козаками всех вольных бездомовных людей, промышлявших военным ремеслом»⁸.

В предисловии к фольклорному сборнику «Запорожская старина» (1833), наряду с цитатой из «Истории Русов», по поводу того, что Козаков/Козар называли так «по легкости их конной, уподобляющейся козьему скоку», И. И. Срезневский приводил и другие утверждения, стилизуя их под старославянский язык летописей: «А нарицахуся Козаками, яко глаголят, от древнего рода своего Козарска. Аще убо Веспасиян Коховский и от коз диких Козаков нарицает, яко тем скоростью добране соравняются, и ловом тех упражняхуся наипаче; но не прилично от коз Козаков нарицати. Приличнее Стриковский нарицает Козаков от древнего и славного их вождя Козака. Александр же Гванин от свободы нарицает Козаками, занеже яко продкове их не от нужд коей, но по доброй воле, охотне, и без найму на брань хождаху, тако и ныне Козаки храбрости своей не сокрывающе, ко брани охочи, видят бо вси на око, яко немцы, поляки и турки берут наем многих и между собою только биющиеся показывают храбрость, сопротивным же скоро дают преци; и мужество их вси видят, ибо спод Лядского ига малою силою отъемльшися, на многих бранех Ляхов победиша и Лядскую всю землю повоеваша»⁹.

Несколько «излишнее», не особенно мотивированное упоминание Гоголя о водившихся у Днепровских порогов «диких козах — сугаках, с белыми лоснящимися рогами, с мягкой, атласною шерстью» (45) взято из описания Украины XVII в. французским военным инженером Г. де Бопланом. В переводе его книги 1832 г. рассказывалось о «животном, которое по-русски называется сугаком. Великоною оно с козу, ноги имеет весьма тонкие, на голове два рога белые

и лоснящиеся, шерсть мягкую, гладкую и нежную, как атлас, когда животное линяет <...> Я пробовал его мясо: вкусом оно не уступает козлятине...»¹⁰. Вероятно, такую переключку можно понимать и как намек Гоголя на родственность слов «козак» и «коза».

По Гоголю, в образовании Малороссии важнейшую роль сыграл географический фактор. Азиатская Великая Степь породила монгольское хищное нашествие, которое, разрушив уже бессильную Древнюю Русь и погрузив в рабство северную и среднюю Россию, дало «происхождение новому славянскому поколению» на юге — в Степи и Приднепровье (42). Эти места оказались оставлены народом, который «столплялся» на однообразно-мрачных болотистых русских равнинах и здесь начал смешиваться с «народами финскими», становясь бесцветен, как сама природа¹¹. А покинутые земли постепенно заселили «выходцы из Польши, Литвы, России» (43). Окончательное отделение и разрыв связей с остальной Россией произошли после завоевания юга «великим язычником» Гедимином, который «ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления...» (43–44). То есть «отчизна славян» — в отличие от России, избежав длительного татарского владычества, — сохранила большую чистоту, культурную самобытность¹² [«...со всеми языческими поверьями, детскими предрассудками, песнями, сказками, славянской мифологией, так простодушно... смешавшейся с христианством». (43)], но стала «землей опустошений и набегов», «землей страха», поскольку не имела естественных пограничных преград (степь да поле) — так же, как, впрочем, и «никакого сообщения» между своими частями. И «потому здесь не мог и возникнуть торговый народ», а возник «народ воинственный... отчаянный, которого вся жизнь... повита и взлелеяна

войною»: сюда пришли те, чья «буйная воля не могла терпеть законов и власти...» (45–46).

Великая Степь как «международное» пространство дает простор свободному разгулу стихий, там исконное сходитя с чужеродным, православие с инославием (католическим, исламским, языческим), родовое с индивидуальным. Новый народ образует «пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций», где представлены не только россияне, поляки, литовцы, но и «дикий горец», и «беглец исламизма татарин» (47). И «эта толпа... составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственные... одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу» (46).

Собственно, пафос статьи — принципиальное историко-географическое различие двух родственных славянских народов. Так, в отрывке «Размышления Мазепы» (видимо, относящемся к «Истории Малороссии») Гоголь прямо говорит о «самобытном государстве», принадлежавшем «народу, так отличному от русских, дышавшему вольностью и лихим козачеством, хотевшему пожить своею жизнью» (IX:84). Это различие М. Максимович объяснял тем, что в Малороссии народную «массу... составили не одни племена славянские, но и другие европейцы, а еще более, кажется, азиатцы. Недовольство и отчасти угнетение свели их в одно место, а желание хотя скудной независимости, мстительная жажда набегов и какое-то рыцарство сдружили их. Отвага в набеге, буйная забывчивость в веселье и беспечная лень в мире — это черты диких азиатцев — жителей Кавказа, которых невольно

вспомните и теперь, глядя на малороссиянина в его костюме, с его привычками... коренное племя получило совсем отличный характер, облагороженный и возвышенный Богданом Хмельницким»¹³.

По мысли Гоголя, Степь и соответствующая свобода проявления евроазиатских начал формируют на Украине особый славянский характер, что отличается от великорусского своей «яркостью», энтузиазмом, воинственностью. Именно козаки как наследники древнерусского государства, заслонившего Европу от монголов, в свою очередь, спасают ее от нашествия «магометанского»¹⁴.

Единство этих самоотверженных, «безбрачных, суровых... железных поборников веры Христовой» определяет религиозный «энтузиазм» (46). Но, в отличие от средневековых католических рыцарей или исконных их врагов — мусульман, воинам Православия чужд религиозный аскетизм: будучи «неукротимы, как их днепровские пороги», они не знают воздержания, обетов, постов... Это христианско-республиканское юношеское «братство... разбойничьих шаек», когда все «общее — вино, цехины, жилища», живет «азиатским буйным наслаждением» набега, а после него козаки впадают в «беспечность» языческих «неистовых пиршеств и бражничества» (48). — Стоит напомнить, что «пьянство, излишество в пище и питии» христианство считает признаком языческого «распутства» (1 Петра 4:3) и что в народной культуре порождения земли — золото и зелье («горелка», табак) — считаются бесовскими¹⁵.

В то же время для описания жизни козаков характерны ассоциации с библейским Адамом (его имя означало «взятый из земли»): их укрытия — «землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах»; козак кажется «страшилищем бегущему татарину», вылезая «внезапно из

реки или болота, обвешанный тиной и грязью...» (47–48). О том же говорят и прямые природные уподобления: «гнездо этих хищников», «неукротимы, как... пороги», «с быстротою тигра» — и скрытое сравнение с лесными «шайками медведей и диких кабанов». Такие же уподобления в статье «О движении народов в конце V века» характеризовали воинственных древних германцев: «Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звуке ее, как молодые, исполненные отваги тигры»; они тоже использовали «пещеры для первоначальных... жилищ или сохранения сокровищ» (119, 120). Сопоставимы и вольнолюбие воинов, и неукротимость их в бою — наряду с беспечностью и «бесчувственной ленью» в домашней жизни, — и страсть к пиршествам.

Изображение единства козаков с природой, видимо, основано и на описании отрядов Самуся и Палея в малороссийских летописях конца XVII века, которое цитировал Бантыш-Каменский: «Хотя на широких и пустых степях не имелось ни единой стежки, ни следу, как на море, однако помянутые ватаги, добре знаячи проходы, аки бы по известных дорогах з великим опасением, дабы не были где от татар исследованы, ездили; не имея же себе чрез один и другой месяц огня, единожды в сутки весьма скудной пищи толкна и сухарей толченых кушали, и коням ржати не допуская, будто дикие звери по тернам и камышам крылись и с великим обережением пути своя разно разъезжался тернами и паки сходилися; познавали же на тех степях дикий путь свой в день по солнцу и краях высоких земных и по могилах; ночью же по звездах и ветрах и речках; и тако татар высмотревши, нечаянно нападали и малым людом великие их купы разбивали»¹⁶.

Вольное христианско-республиканское «братство» козаков напоминает древнерусскую «вечевую республику», а их

«азиатские набеги» похожи и на половецкие, и на походы князей против половцев — как в «Слове о полку Игореве», оказывавшем с начала XIX века значительное воздействие на русскую литературу¹⁷. Недаром фольклорная метафора у Гоголя [...земля эта... унавожена костями, утучнена кровью]. (45)] как будто взята из древнерусской воинской повести, где Великую Степь изображали «землей неизвестной», неким запретно-чуждым пространством, об опасности которого предупреждала сама природа и где стихийные силы губили нарушивших запрет. Степь — неведомое, чуждое, гибельное пространство стихий и одновременно простор, манящий испытать себя, безоглядно освободить желания, дающий «волю» (уже тогда — явно — своеволие!), что обнажает богатство или пустоту души и тем самым отторгает личность от общества. Причем сам амбивалентный пространственный образ Степи (его можно назвать литературным *археотопонимом*) искони был ориентирован на Азию, на иноязычный, иноверческий, чудесно-демонический Восток.

Можно заметить, как переосмысливаются традиционные черты этого образа в «Отрывке из Истории Малороссии». *Степное* — вот главное для Гоголя в Козачестве! Это стихийное, «евразийское», исходящее из противоположных начал, обычно непримиримых и в то же время генетически присущих европейцам. Ведь, как показано в статье «О движении народов...», фундамент новой, христианской Европы закладывает не только само противостояние почти оседлого земледельческого населения волнам варваров и азиатских кочевников из Великой Степи — готов и гуннов, но и постоянная вынужденная **ассимиляция** и **гуманизация** варваров. По мысли Гоголя, эти тенденции действуют и на другом краю Европы в иное время, когда развитие азиатской языческой экспансии ведет к

появлению противостоящего ей Козачества, сохраняющего традиции коренной европейской вольности и природной «греческой религии» в то время, когда гибнет Византия (середина XVI в.).

Соединяя европейское и азиатское, оседлое и кочевое, воинственное и мирное, земледельческое («саблю и плуг»), козаки противостояли, в первую очередь, «магометанству» и католичеству, роскоши, привитой арабами (мусульманами) европейской цивилизации. Так «составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, — народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование» (49)¹⁸.

Столкновение противоречивых начал (христианских и явно не христианских, по сути, демонических) как бы само собой порождает **чудесное**, связанное с Божьим Промыслом и «чудесными» средними веками, когда образуется Козачество (его, по более позднему выражению Гоголя, «вышибло из народной груди огниво бед». — II:46), с апокалиптическим разрушением мира и столь же естественным противостоянием человека дьявольскому разрушению: козацкий городок, стертый татарами «до основания», «как будто чудом, строился вновь <...> Казалось, существование этого народа было вечно» (48). **Чудесное** свойственно и самому народному сознанию, в котором «простодушно» смешались языческая «славянская мифология... с христианством», возвышенный религиозный энтузиазм и вполне «земная», языческая чувственность.

Еще одно противоречие — назовем его этическим — в отношении козаков к женщине и семье. Похищать «татарских жен и дочерей» себе в жены, как это делали «разгульные холостяки», явно не по-христиански [здесь вероятно влияние традиций «удалых выходцев» с «Кавказа», которым «приписывают» основание Черкас, «где было главное сборище и местопребывание козаков...» (47, 49)]. Далее, как сказано в статье «О малороссийских песнях», ни мать, ни жена, «ничто не в силах удержать» козака дома: «Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу товарищей» (91). Поэтому есть две «половины жизни народа»: суровый ратный мир «гульливых рыцарей набегов» и «женский мир, нежный, тоскливый, дышащий любовью» (91–92). Противоречие это сохраняется, пока для Козаков «узы этого братства... выше всего, сильнее любви» (91), — ведь семья «уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6).

Таким образом, природа Козачества соединила старое и новое, восточное и западное, чудесное и обыденное, Божественное и дьявольское, чему способствовали противоречивые историко-географические (в нашем понимании — геополитические), а также экономические (отсутствие торговых связей, уничтожение труда земледельца) и этические факторы, религиозные идеалы. Но для Максимова и Гоголя собственно историей Козачества — «живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописью», заключившей в себе «дух... изображаемого народа» (91–92), — могут быть только народные песни.

Итак, статьи в «Журнале Министерства народного просвещения», принадлежавшие, судя по фамилии, типичному малороссу, представляли читателям по-этическую историю его народа. Правомерность же подобной концепции опре-

деляли и научные познания (разумное, логическое), и видимое художественное мастерство (чувственное, интуитивное), и врожденный, и жизненный, благоприобретенный опыт автора — художника и ученого, чье духовное развитие соотносено с развитием его народа. И потом, когда Гоголь перепечатывает «Отрывок...» под названием «Взгляд на составление Малороссии» с датой «1832» в сборнике «Арабески» 1835 года вместе со статьей «О малороссийских песнях» и заявляет о своем историческом романе 1830 года, — он не только комментирует свое раннее творчество и одновременно предваряет «Миргород», но и дает понять, что его художественные и нехудож-

ественные малороссийские произведения составляют, при всей разнородности, *единую* картину прошлого и настоящего народной жизни, а каждое из них — своего рода ступень поэтического постижения истории Украины им, художником-ученым, на фоне русского и всемирного развития. Гоголь вернется к «идее» более обширного — уже всероссийского! — историко-эпического полотна в 1839–1841 годах, и тогда, создавая «Мертвые души», «Шинель» и «Рим», он будет перестраивать повесть «Тарас Бульба» и статью «Взгляд на составление Малороссии» и вновь, как в юности, попытается написать «трагедию из малороссийской истории»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Северная Пчела. 1834. № 24. От 30 января; Московский Телеграф. 1834. № 3 (под заглавием «Об издании Истории малороссийских казаков»); Молва. 1834. № 8. Далее в словах *козак* и производных от него, обозначающих, с точки зрения Гоголя, особую национально-историческую общность, сохранено написание черновых редакций.

² Здесь и далее везде цит. по изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: Т. I–XIV. М.; Л., 1937–1952; в круглых скобках указаны: том — *римской* цифрой (кроме цитат по т. VIII), страница — *арабской*. Везде в цитатах подчеркнуто мною. — *В. Д.*

³ Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 4. Отд. II.

⁴ Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год, с изъяснением настоящего образца тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших Гетманов, Генеральных Старшин, Полковников и Иерархов; також землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений, издана Васильем Григорьевичем Рубаном. СПб., 1777. Б/п. Здесь и далее везде произведения XVIII–XIX вв. цитируются по нормам современной орфографии при сохранении некоторых характерных особенностей правописания, передающих «колорит» эпохи.

⁵ Там же. С. 4–5.

⁶ *Маркович Яков.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. СПб., 1798. Ч. I. С. 38.

⁷ Малороссийская деревня, соч. И. Кулжинского. М., 1827. С. 104–105.

⁸ *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1830. Ч. I. С. 14.

⁹ *Срезневский И. И.* Запорожская старина. Харьков, 1833. Ч. I. Отд. II. С. 18–19, 51.

¹⁰ Цит. по изд.: *Грушевский Михаил.* Иллюстрированная история Украины. Киев, 1996. С. 173.

¹¹ В статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь отмечал, что в России до «императоров» (т. е. до петровских времен) «характер народа большею частию был бесцветен...» (52).

¹² Здесь вероятна скрытая полемика с Н. М. Карамзиным, писавшим в своей записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811): «Владимир, Суздаль, Тверь назывались Улусами Ханскими; Киев, Чернигов, Мценск, Смоленск — городами Литовскими. Первые хранили, по крайней мере, свои нравы, вторые заимствовали и самые обычаи чуждые» (*Воропаев В. А., Виноградов И. А.* Комментарии // *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994. Т. 7. С. 546).

¹³ Малороссийские песни, изд. М. Максимовичем. М., 1827. С. IV–V.

¹⁴ Ср. известное высказывание Пушкина в наброске статьи «О ничтожестве литературы русской» (1834): «России определено было высокое назначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы: варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработанную Русь... Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...» (Примечание: «А не Польшею, как еще недавно утверждали европ.<ейские> журналы: но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»). — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Л., 1949. Т. 11. С. 268.

¹⁵ См. об этом: *Булашев Г. О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. Киев, 1909. С. 342–346, 379–391.

¹⁶ *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. Ч. III. С. 19–20.

¹⁷ См.: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. Пушкин знал и ценил «Слово...» как «уединенный памятник в пустыне... древней словесности». Цитаты из «Слова...» М. Максимович сделал эпитафиями к разделам своего сборника «Украинские народные песни» (М., 1834).

¹⁸ Эту характеристику проясняют следующие положения в первопечатном варианте статьи Гоголя «Мысли о географии» (1831): по «возрасту» и значению «первое место должна занимать Азия, как колыбель человечества; второе Африка, как жаркое юношество; третье Европа — зрелость и мужество; четвертое Америка» (101). Украинцы, по Гоголю, сочетают азиатское «младенчество» и европейскую «зрелость».

¹⁹ См.: *Воропаев В. А., Виноградов И. А.* Комментарии. Т. 7. С. 612–616.